

3. Ключевский, В. О. Курс русской истории / В. О. Ключевский. – М.: Мысль, 1988. – Ч. III.
4. Пушкин, А. С. Избр. соч. : в 2 т. / А. С. Пушкин. – М. : Худож. лит., 1980. – Т. 2.
5. Черных, П. Я. Язык Уложения 1649 года. / П. Я. Черных. – М. : Изд-во АН СССР, 1953.

М.П. Жигалова (Брест, Беларусь)

**КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ АНТИЧНОСТИ КАК ПРОГНОЗ,
ОБРАЗЕЦ И МАТЕРИАЛ ОНТОЛОГИЧЕСКОГО МИРА
А.С. ПУШКИНА**

Античная литература сыграла заметную роль в генезисе русской литературы XIX века. Античные примеры построения картины мира, где человек осознает себя как часть космического единства, живет в полном согласии с природой, которая его окружает, всегда привлекали внимание европейских писателей и поэтов, в произведениях которых в той или иной форме звучали мотивы античности. В поисках путей изображения гармонического сосуществования природы и человека русская литература использовала такие художественные образцы античности, где высокая духовность находится в единстве с природой, с Космосом.

Покажем, как культурный контекст античности отразился в онтологическом мире А.С. Пушкина, как художник слова с помощью античных реалий прогнозирует, использует, исследует основы, принципы бытия, его структуру и закономерности.

Заметим, что образы и темы античности проходят через все периоды творчества А.С. Пушкина. Так, например, анализируя *лицейский период* жизненного и творческого пути Пушкина, мы отмечаем, что стихотворения «Гроб Анакреона» (1815), «К Морфею» (1816), «Амур и Гименей» (1816), «Фиал Анакреона» (1816), «Фавн и пастушка. Картины» (1817) написаны с использованием мотивов античного фольклора. В *последней период*, когда поэт находится в поиске ответа на вопрос, что есть философия жизни, интерпретация античных мотивов усиливается в стихотворениях «Торжество Вакха» (1818), «Платонизм» (1819), «Оставь, о Лезбия, лампаду...» (1819). *Петербургский период* отмечен интересом уже к истории античности, основам человеческого бытия. Написаны «Нереида» (1820), «Гречанка верная! не плачь, – он пал героем!..», «К Овидию» (1821), «Гречанке» (1822), «Внемли, о Гелиос, серебряным луком звенящий...» (1823), «Туманский, Фебу и Фемиде» (1823). *Южный период* ознаменован обращением поэта к принципам и нравам бытия. В стихотворениях «Клеопатра» (1824), «Арион» (1927), «Циклоп» (1830),

«На перевод Илиады» (1830) А. Пушкин обращается к вечным понятиям, на которых держится человеческая жизнь, – сила власти и разума, красоты и любви, человеческой хитрости, коварства и искренности. Стихотворения «Мальчику» (Из Катулла) (1832), (Из Анакреона). Отрывок («Узнают коней ретивых...») (1835), ода LVI (Из Анакреона) («Поредели, побелели...»), ода LVII («Что же сухо в чаше дно?..») (1835) и др., написанные в болдинский период и интерпретирующие античные мотивы, помогают раскрыть еще одну грань человеческого бытия – жизнь и смерть, молодость и старость. А значит, найти ответ на вопрос, как жить.

Анализируя произведения Пушкина, мы заметили, что античность вошла в жизнь и творчество поэта очень разносторонне. Он переводил древних, подражал им, черпал сюжеты, образы и мысли из сокровищницы греко-римской мифологии, литературы, истории искусства, чтобы понять этот мир, постичь тайны мироздания. Делал он это легко, непринужденно. Его классическое образование, помноженное на яркое воображение, быстрый и избирательный ум позволяли поэту держать в голове и при первой необходимости извлекать из глубин памяти фейерверк имен, коллизий, поэтических строк и теоретических пассажей. Все это было так близко, привычно и понятно ему уже в лицее, потому что составляло атмосферу, в которой воспитывались и познавали мир лицеисты. Да и за пределами лица «процветал мир культурной России, возвращенный на античных образах и идеалах, вкусах далекой, давно ушедшей в небытие цивилизации» [5, 103, 104], но такой привлекательной и неразгаданной.

Пушкин испытывал необыкновенную любовь к античному язычеству. В юные годы его душа скорее была душой язычника, чем скромного христианина. Если из всех его сочинений выбрать строки с именами античных богов и героев, то может получиться своего рода пособие по греко-римской религии и мифологии, «...почти полный путеводитель по Олимпу и его окрестностям» [8, 101]. Причина такого пристрастия не только в великолепии, праздничности героев греческих мифов, красочности мифических сюжетов, но и в том, что в них на любой случай жизни можно каждому читателю найти подходящий ответ, научиться жить с чувством радости, любви, упоения жизнью.

Источником знаний античной мифологии стали для Пушкина творения греческих и римских историков, философов, ораторов, а также поэтов: Гомера, Гесиода, Сапфо, Анакреонта, Еврипида, Катулла, Тибулла, Вергилия, Горация, Овидия. Знакомство с ними дало возможность уже юному Пушкину познавать мудрость жизни, свободно оперировать именами многочисленных богов и мифологических персонажей, находить в образах греко-римской мифологии аналогии реальным и вымышленным героям своих поэтических произведений и тем самым обогатить,

расцветить свою Музу. А она ассоциируется у Пушкина не с холодной богиней, а с прекрасной девушкой, ясной, чистой, как, например, в стихотворении «Муза», верной подругой, которую он «сажает рядом с собой и ведет долгий разговор»: «Усядся, муза: ручки в рукава, / Под лавку ножки! не вертись, резвушка! / Теперь начнем... » («Домик в Коломне», IX) [7]. Музы благословляют своих избранников, «венками свыше осеня» («Друзьям»). И те, одаренные «божественным дыханием» и преисполненные «святым очарованием» прелестных богинь («Муза»), становятся их поклонниками и наперсниками. Общение с ними рождает «союз волшебных звуков, чувств и дум», с ними «сердце не тоскует» и проясняется «тесный ум» («Евгений Онегин», I, 59). Пушкин посвящает Музе «часы бесценного досуга», а она бросает на него «свой нежный взор» («Руслан и Людмила», VI). «Муза у Пушкина ласковая, тихая, милая, томная, мирная, легкая, чистая, невинная, стыдливая. Она и вольная, ликующая, важная, своенравная, ветреная, иными словами, изменчивая, многолика, но всегда родная и близкая. Она – его единственная настоящая и неразделенная любовь» [3, 62].

Пушкин понимает, какую роль в жизни человека играет память, оскверняя которую людям никогда не стать счастливыми. Поэтому поэт славит богов античности: предводителя муз – Феба-Аполлона, их мать – богиню памяти Мнемосину, которая «...в тихой роще плод восторгов родила» (стихотворение «Рифма, звучная подруга...») [7]. Подробно описывает Пушкин все, что связано с разными музами, Аполлоном. Он упоминает многих богов, но больше всего – бога Аполлона, самого удивительного из греческих богов. Фантазия эллинов наделила его многообразными функциями: он губитель и спаситель, сокрушитель и создатель, он наказывает и охраняет. Его культ, очень древний, неоднократно преобразовывался, видоизменялся по мере движения человеческого общества к цивилизации. Первоначально он представлялся в виде вещи, различных животных. Со временем обрел человеческий облик, его атрибутами, однако, признавались лук и стрелы, «явный пережиток прошлого, охотничьего периода человеческой истории» [4, 284]. Не забыли и о его губительных свойствах. Потому часто в мифах он предстает грозным убийцей не только чудовищ, но и вполне достойных персонажей. И все-таки людям в первую очередь нужны были защита и помощь, поэтому всемогущего Аполлона они наделили еще функциями защитника от зла и болезней, помощником, попечителем, водителем судеб, хранителем кораблей, повелителем воздуха, облаков, ветров, дождей, подателем света (Фебом) и самим Солнцем. Чистый, ясный, он мыслится прорицателем и становится хозяином, защитником, родоначальником многих родов, предводителем войска, покровителем городов. Он –

поклонник и покровитель искусств: музыки, поэзии, песни, танца. В классическую эпоху создается канонический образ Аполлона: молод, даже юн, безусловно красив, горд, неприступен.

Это-то сложное, капризное, злое и доброе божество, ставшее кумиром греков, не могло не поразить воображение людей утонченных, поклонников литературы, искусства. Особенно привлекательными казались те его качества, которые имели отношение к художественному творчеству.

В стихах Пушкина он сливается с музами, выполняя, по сути, те же функции по отношению к поэту, что и они. Он – отец поэта, его воспитатель и друг. Избранник Феба – свободный и счастливый человек: «Ах! счастлив, счастлив тот, / Кто лиру в дар от Феба / Во цвете лет возьмет!» («Городок») [7]. Так же, как и музы, Феб ассоциируется со свободой («Разлука»), ведь неволя для поэзии равнозначна смерти.

Пушкин отдает предпочтение богам, радостным и беспечным, поет гимн, например, «мирному, вечному, юному» Дионису – Вакху («Торжество Вакха») и вакханкам. Поэт увидел в двух колоритных персонажах – Аполлоне и Дионисе – противоположные начала. В отличие от Аполлона Дионис – само безрассудство, стихия. Спутники бога виноградарства, виноделия и веселья охвачены безумием опьянения, невоздержанностью, страстью, похотливостью, им неведомы никакие запреты и упорядочения. Аполлон и Дионис – «божественная пара», образец «...существования двух по своей внутренней сути антагонистических духовных начал» жизни: Аполлон – воплощение гармонии и разумного порядка в человеке, обществе, искусстве. Дионис – воплощение диких, иррациональных инстинктов» [1, 302], один – «светлый покой», другой – «безумный восторг» [3, 117]. Греки поклонялись им обоим, и то, и другое божество считали необходимым, потому что человек по своей сути противоречив и неоднозначен.

Поэт испытывал пристрастие ко всему красивому и ради усиления впечатления о нем делал упор на такие персонажи, как Психея, Адонис, Флора, Аврора, преклонялся пред грациями-харитами и просто обожал нежных, хрупких нимф. Встреча с ласковым южным морем родила ощущение того, что он оказался едва ли не в самой Элладе, подняла в душе волну чувств, вылившихся в дивные строки («Нереида», 1820):

Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду,
На утренней заре я видел нереиду.
Скрытый меж дерев, едва я смел дохнуть:
Над ясной влагою – полубогиня грудь
Младую, белую как лебедь, вздымала
И пену из власов струею выжимала [7].

Поэтическое вдохновение рождает образы мирные, светлые. Мрачному Аиду предпочитается счастливый Элизиум (мир блаженства). Для Пушкина воздух – эфир, ветер – зефир, луна – Диана, заря – Аврора, сон – Морфей, родной дом – пенаты, театр – Мельпомена, балерина – Терпсихора, месть – Эвменида, возмездие – Немесида. Они помогают поэту осознать счастье жизни и ее быстротечность. Поэтому «Пушкина увлекает веселая игра, когда читателю, привыкшему к античному персонажу как к «твердой величине», к его высокому статусу и стилю, предлагалось его комическое переименование» [6, 308]. А значит, явления античной культуры, широко интерпретируясь А. Пушкиным, часто употреблялись в шутивно-ироническом контексте. Персонажи мифов становились предметом вольных шуток среди лицеистов и переходили в дружеские эпиграммы. Именами античных богов в парадоксально-иронической тональности нередко наделяет А. Пушкин своих друзей, к которым он обращается с посланиями. Это он делает для обозначения «полноты жизненного бытия в греческом духе» [7, 320], подает его как идеал.

Так, в поэме «Руслан и Людмила» в авторских отступлениях античные образы и мотивы являются предметом пародирования и насмешливых сопоставлений.

Легкий, лукаво-иронический разговор об искусстве продолжается в «Евгении Онегине». Упадок театральной жизни Москвы выражен в пренебрежительном изображении жалкого состояния муз, покровительниц трагедии и комедии:

Но там, где *Мельпомены* бурной
Протяжный раздается вой,
Где машет мантией мишурной
Она пред хладною толпой
Где *Талия* тихонько дремлет
И песням дружеским не внимлет.

Перифразы в романе изящны и ироничны:

Дианы грудь, ланиты *Флоры*
Прелестны, милые друзья!

Однако ножка *Терпсихоры*

Прелестней чем-то для меня [7].

Как видим, даже в этих десяти строках Пушкин использует пять античных имен. Всего же в романе «Евгений Онегин» насчитывается более шестидесяти имен и реалий, связанных с античной культурой, и значительная часть их представлена в шутивном или ироническом контексте. Тем самым Пушкин открыл в античности неисчерпаемый источник образов, тем и мотивов и подал это в качестве комического в

своим творчестве, разработал оригинальные приемы и способы включения их в культурный контекст.

В конце 20-х – начале 30-х гг. у Пушкина рождается интерес к классической культуре и религиозным текстам. Античное наследие поэт теперь переосмысливает в духе христианства. Так уже в стихотворении «19 октября» Пушкин прибегает к античной лирике, в частности, к одам Горация, призывая к верности в дружбе, вместе с тем отводя в ней место пиру, освобождающему человека от жизненных тревог и забот. С классической культурой у Пушкина связаны и идеалы прекрасного и величественного, запечатленные в античных образах Афины – Минервы, Муз. Разрабатываются темы славы, поэзии, Лицея, созданного по образцу европейских подражаний школе Аристотеля. Школе, где есть философско-литературные занятия и характерный для античности дух соревнования. Все это формирует художественный мир его произведений. То, что античное наследие поэт переосмысливает в духе христианства, говорит, например, исключение при публикации стихотворения «19 октября» из латинского эпиграфа («Nunc est bibendum») имени Минервы, упоминания Пеана, замена идеи соперничества идеей соборности – братского единения и др.

В беседе с М. Погодиным в мае 1830 года Пушкин сказал о своем классическом образовании: «Как рву я себе волосы часто... что нет у меня классического образования, есть мысли, но на чем их поставить» [7].

«Удивительно здесь то, – замечает Станислав Джимбинов, – что в обычном нашем представлении образование в Царскосельском Лицее было классическим, во всяком случае, оно было насквозь пронизано античностью. Тем не менее, для Пушкина этого было мало, латинский язык без греческого не удовлетворял его. В это время он задумал изучить первообразы поэзии – метафоры, сравнения – и должен был довольствоваться французскими переводами» [2, 221].

И в самом деле, Пушкин, усвоив весь предшествующий опыт русской поэзии, представил нам наиболее глубокое для своего времени понимание античности. В освоении античного материала мы находим у него и чувство историзма, и значимость отечества, и радость человеческого общения, и счастье жизни, и удивительную глубину мысли, и важность чувств, и полное слияние всего этого. Нередко античность у Пушкина служит аллегорией настоящего. Именами Августа и Тиберия в переписке с друзьями он называет Александра I. Вспоминая в «Цыганах» ссыльного Овидия, он имеет в виду собственную судьбу. В стихотворении «К Овидию» (1821), которое он высоко ценил, Пушкин говорит применительно к самому себе:

Здесь, оживив тобой мечты воображенья,

Я повторил твои, Овидий, песнопенья
И их печальные картины поверял.

А далее он еще более ясно подтверждает эту мысль:

Но славой, участью и равен был тебе [7].

Под видом переводов с латинского в стихотворениях «Лицинию» (1815), «На выздоровление Лукулла» (1835) он анализирует нравы своего времени. В «Вакхической песне» (1825) он проводит глубокую просветительскую идею: «Да здравствует солнце, да скроется тьма». Показательно и стихотворение «Арион» (1827), в котором Пушкин, исходя из античного сказания о чудесном спасении греческого поэта, «разрушает традиционную фабулу и на ее элементах создает совершенно новый образ», выказывает свое отношение к людям, несущим свободу. «Этот своеобразный сплав античной и современной манеры, поэтического выражения, – пишет Г.С. Глебов, – и обуславливает огромную впечатляющую силу пушкинского «Ариона». С другой стороны, в описании петербургского наводнения в «Медном всаднике» Пушкин пользуется неповторимыми мотивами из Горация («Оды», 1, 2) и из Овидия («Метаморфозы», I, 281–312). Однако в прямую противоположность этим поэтам про себя он говорит («Из письма к Гнедичу», 1821):

Октавию в слепой надежде

Молебнов лести не пою [7].

Как видим, в распоряжении поэта оказывается целый арсенал образов и форм, заимствованных из античной литературы: Аполлон и музы, лира, алтарь, жертвоприношение и т.п. И об этом написано немало специальных исследований [С. И. Любомудров, М.М. Покровский, П.Н. Черилев, Д.П. Якубович, Н.Ф. Дератани и др.]. Мы же хотели лишь отметить, как с помощью античного контекста Пушкин оценивает место человека во Вселенной, его красоту, творчество, как смотрит на вечные проблемы бытия и смысла жизни, отмечая ее быстротечность и в то же время конечность и вечность.

Литература

1. Андреев, Ю. В. Цена свободы и гармонии / Ю. В. Андреев. – СПб., 1998. – 302 с.
2. Джимбинов, С. Коэффициент искажения / С. Джимбинов // Новый мир. – 1992. – № 9. – С. 221.
3. Поэзия. Философия. Жизнь. – М., 1989. – 335 с.
4. Лосев, А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии / А. Ф. Лосев. – М., 1997.
5. Маленин, А. И. Пушкин и античный мир в лицейский период / А. И. Маленин // Гермес. – 1912. – № 17 (103); № 18 (104).

6. Михайлов, А. В. Античность как идеал и культурная реальность XVIII–XIX вв. // А. В. Михайлов // Античность как тип культуры. – М., 1988.

7. Пушкин, А. С. Соч. : в 3 т. – Минск, 1986.

8. Шанский, Н. М. Анализ художественного текста / Н. М. Шанский. – М. 1999. – 360 с.

I. КЛАССИКА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Т.В. Сенькевич (Брест, Беларусь)

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ В КРИТИЧЕСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ А.С. ПУШКИНА

Многогранность творческой личности А.С. Пушкина привлекает внимание рядового читателя и литературоведа, не перестает удивлять скрытыми потенциальными возможностями для исследования. Здоровый интерес к жизни, истории, времени как ценностной категории, объекту и субъекту реальной действительности, ее комическим и драматическим составляющим – все это и многое другое явлено в произведениях классика, принадлежащих к трем родам литературы – эпосу, лирике, драме. Подобное всеохватное художественное отражение мира и человека довольно редко встречается в наследии художников слова.

О таланте Пушкина-прозаика, лирика, драматурга немало написано литературоведами, занимающимися изучением мирового литературного процесса. Пушкинский феномен позволяет глубоко постигать личности, произведения современников писателя и тех, кто принадлежит славянскому и западноевропейскому литературному контексту последующих эпох. Этим во многом объясняется интерес науки о литературе к ипостаси Пушкина-критика.

Позиционируя себя как художника слова, проявляющего интерес к истории, прошлому России, Пушкину, несомненно, было важно знать о накопившемся в русской литературе опыте в данной сфере. Он живо интересовался произведениями о прошлом России, созданными его современниками.

В одной из первых статей – «Заметки по русской истории XVIII века» (1822) Пушкин предпринимает попытку дать лаконичную характеристику самодержавной власти данного периода, показать результаты правления Петра I, сменившей его на престоле Екатерины II, Павла I. Можно заметить приоритетные для писателя области, к которым приковано его внимание: отношение самодержца к просвещению, судьбы дворянства, народа. Глубокое знание истории, культуры русского и других